

«КТО ОН?»: ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ТРАНСФОРМАЦИЙ РУССКОГО ШКОЛЬНОГО КАНОНА*

РОМАН ЛЕЙБОВ

Механизмы формирования, трансляции и трансформаций программы школьного чтения до известной степени подобны процессам, развертывающимся в пространстве большого национального литературного канона. Когда в той или иной национальной культуре складывается идея национальной классики, включаются механизмы кросскультурного «соревнования», требующие заполнения оригинальным содержанием заданной извне сетки периодической системы классических родов, видов и жанров, а затем и образцовых текстов.

Художественная литература (как и другие искусства) постоянно решает задачу освоения инокультурных канонических образцов и воспроизведения достигнутых культурных вершин (идет ли речь о проблеме «нашего Горация» или «нашей “Энеиды”»). Будучи направленным в прошлое, этот способ формирования «догоняющего» национального канона даст обращение к инокультурным классикам (такой подход характерен для эпохи складывания национальной литературы). Позже, в романтическую и постромантическую эпоху, более актуальной становится задача усвоения современных инокультурных образцов («наш Байрон», «наш Гейне», «наши символисты»).

Эта проблематика, подробно описанная социологами литературы (см., например: [Дубин; Дубин, Зоркая]), в России приобретает особую остроту уже в XIX в., когда идея классики начинает освобождаться от моноцентричности, и национальная культура превращается в соревнование различ-

* Работа написана в рамках проекта “Vene kirjanduskaanonij kujunemine / Russian Literary Canon Formation” (грант Эстонского научного фонда ETF 8471).

ных, иногда довольно мало пересекающихся субканонов, представляющих вкусы и ценностные установки разных социокультурных групп. В этом отношении исключительна роль русской литературной критики XIX в. и прежде всего — Белинского, усилия которого были направлены в первую очередь именно на формирование литературной иерархии, синхронной и исторической, как системы.

Позднее сходные механизмы начинают действовать и внутри национального канона — в виде попыток воспроизвести уже не античные или иноязычные, но канонизированные внутри своей национальной литературы формы/жанры/функциональные роли текстов (ср. «заказ» на «красного Толстого» в пореволюционные и послевоенные годы, отчетливо сказавшийся на поэтике и восприятии весьма разнообразных текстов, от «Разгрома» и «Белой гвардии» до «Жизни и судьбы» и «Красного колеса»).

При этом, как мы сказали, заполнения требуют некоторые тематические/жанровые позиции, но при этом постоянно актуализируется и память о конкретных канонических текстах, которые заполняли эти позиции в прошлом. Новые тексты, таким образом, выполняют двоякую функцию по отношению к канону: подновляя его, предлагая современные версии классических текстов, они одновременно заменяют их и подтверждают их классический статус.

В реальном (довольно недолгом по европейским меркам) бытовании русской культуры трудно говорить об отмене или вытеснении новыми текстами канонических образцов. Иначе, думается, обстоит дело, когда речь заходит о школьном каноне, ориентированном на совмещение разных функций (воспитательной, образовательной, эстетической, дидактико-лингвистической) и вследствие этого отличающемся от «большого» национального канона своей манифестированностью, ограниченностью и закреплённостью в школьных программах, учебниках и книгах для чтения.

В этом отношении примечательна история формирования и бытования советского школьного канона, которой еще предстоит стать предметом исследований. Складывающийся в тридцатые годы, школьный канон успевает претерпеть значительные трансформации к 1990-м. При этом формирование его может быть описано как компромисс между революционными лозунгами эпохи и навыками революционных теоретиков и педагогов, воспитанными старой школой. Функционирование и трансформации школьного лектюра также будут компромиссом между постоянно меняющимися партийными установками и достаточно консервативными задачами школьного образования.

Описать, какие тексты, бытовавшие в старых книгах для детского чтения, попадают и в пореволюционный школьный канон; какие старые тексты русских классиков, прежде не включавшиеся в хрестоматии, проникают в программу; как соотносятся в обязательном чтении советского школьника в разные периоды старые и новые тексты — задачи будущих историков школьного чтения. Исключительность роли раннего чтения для формирования индивидуальных вкусов и коллективной культурной памяти становится очевидной при обращении к проблемам интертекстуальности: как отмечают многие исследователи, программные школьные тексты выступают в роли подтекстов гораздо чаще, чем другие пласты классики.

Поскольку школьный канон резко ограничен пропедевтическими и идеологическими рамками, мы наблюдаем постоянное вытеснение новыми текстами «устаревших», причем последние, как правило, не возвращаются в программы. Тем примечательнее случаи репликации, значимых переключек между вытесняемыми и вытесняющими текстами, которые наблюдаются на самых разных уровнях (от общежанровой прагматики до конкретных сюжетных повторов). Одному из случаев такого вытеснения старого текста новыми будет посвящена эта глава.

Стихотворение А. Майкова «Кто он?» (далее — КО) впервые появилось в составе сборника «Стихотворения Аполлона Майкова» 1842 г. (датируется 1841 г. на основании списка). Благоклонно встреченный читателями и критиками¹ сборник, как известно, удостоился подробной одобрительной рецензии Белинского, вскользь отметившего: «Очень недурна пьеска “Кто — он?”» [Белинский: 28]. Можно предположить, что оценка Белинского (наряду с чертами поэтики текста, которые делают его удобным для включения в круг детского чтения) способствовала попаданию стихотворения в школьные хрестоматии.

Насколько нам известно, это произошло уже в новое царствование, и первыми были вышедшая в Ревеле хрестоматия С. Шафранова и И. Николаича (1860) и «Книга для чтения и практических упражнений в русском языке» И. Паульсона (СПб, 1860) — в эти пособия был включен ранний вариант (8 строф) КО. Между тем, к тому времени Майков уже значительно переработал стихотворение, радикально изменив имеющийся текст

¹ Отметим, что ни Сенковский в «Библиотеке для чтения» (1842, т. 50, кн. 2), ни анонимный рецензент «Сына Отечества» (1842, № 2) не обратили на КО внимания.

и добавив пять катренов: новый вариант, предположительно датированный 1857², появился в его собрании 1858 г.

Именно этот, пространный, вариант попадает во «взрослую» антологию Н. А. Тиблена «Русская лира» (1860)³ и четвертое издание первой части школьной «Практической русской грамматики» П. М. Перевлесского (1861). Отметим, что текст Майкова сразу начинает использоваться как дидактический материал в языковом курсе: впоследствии примеры из обеих редакций текста Майкова (особенно — фрагменты первой строфы) будут широко представлены в справочных и дидактических материалах и словарях, эта традиция дойдет до нашего времени.

Между тем, в следующее издание своей грамматики Перевлесский включил ранний вариант (с которым мог познакомиться, обратившись, как это часто делали авторы хрестоматий, к другим хрестоматиям). Здесь стихотворение сопровождается несколько двусмысленным примечанием: «Первоначальный текст см. I ч. IV изд. стр. 151. Там пространнее и много перемен, но не к лучшему» [Перевлесский: 212].

К этому времени поздний вариант успел попасть в новые книги для чтения [Филонов 1863: 377–378; Басистов 1862: 415–417]. В дальнейшем в школьных хрестоматиях будут бытовать оба варианта, причем ранний, краткий, которому отдал предпочтение Перевлесский, встречается с трансформацией, восходящей к его «Грамматике» 1867 г. — в первом стихе в ущерб стихотворному метру славянизм («на берегу») заменен полногласной формой («на берегу»); этого чтения нет ни у Паульсона, ни у Шафранова и Николича, но оно представлено почти во всех хрестоматиях, дающих краткий вариант текста (исключение составляют хрестоматия Стоюнина и «Друг детей» П. Максимовича). Примечательно, что с этим полногласным вариантом зафиксирован и текст народной песни, встречающийся в некоторых собраниях (см. об этом ниже).

Ранний вариант был закреплен чтением Перевлесского, поздний получил впоследствии широкое распространение благодаря включению в хрестоматию Ушинского⁴.

Мало того: в ряде пособий представлен компромиссный вариант, состоящий из девяти строф и контаминирующий две авторские редакции текста. Впервые, насколько мы можем судить, он появляется в хрестоматии

² [Майков: 391], обоснование датировки в примечаниях не приводится.

³ На появление текста Майкова в «Русской лире» обратил (несомненно, недоброжелательное) внимание в своей рецензии Н. А. Добролюбов, тем не менее, это упоминание [Добролюбов: 187], как и отзыв Белинского, могло способствовать канонизации КО.

⁴ Воспроизведение текста хрестоматии 1870 г. см.: [Ушинский: 601–602].

Л. Поливанова (1885), причем контаминируются тексты, восходящие не к авторским редакциям, а к их уже укоренившимся в учебной практике вариантам (об этом свидетельствует воспроизведение здесь полногласной формы, предложенной Перевлесским, видимо, в целях лингвистического упрощения⁵).

Приведем три варианта (сборника 1841 с конъектурой Перевлесского, собрания 1857, хрестоматии Поливанова 1885) в единой таблице:

1841 Кто он?	1857 Кто он?	1885 Кто он?
На б[е]регу Невы великой, По тропиночке лесной Ехал всадник. Вкруг все дико: Ель, сосна да мох седой.	Лесом частым и дремучим, По тропинкам и по мхам, Ехал всадник, пробираясь К светлым невским берегам.	На б[е]регу Невы великой, По тропиночке лесной Ехал всадник. Вкруг все дико: Ель, сосна да мох седой.
Перед ним рыбацья хата; Под сосной, у синих волн, Старый рыбарь бородастый Колотил дырявый челн.	Только вот — рыбацья хата; У реки старик стоял, Челн осматривал дырявый, И бранился, и вздыхал.	Перед ним рыбацья хата; Под сосной у синих волн, Старый рыбарь бородастый Колотил дырявый челн.
Всадник молвил: «Дед, здорово! Бог на помощь! Как живешь? Много ль ловишь ты и лова Где добычу продаешь?»	Всадник подле — он не смотрит. Всадник молвил: «Здравствуй, дед!» А старик в сердцах чуть глянул На приветствие в ответ.	Всадник молвил: «Дед, здорово! Бог на помощь! Как живешь? Много ль ловишь ты и лова Где добычу продаешь?»
Отвечал старик сердито: Рыбы мало ли в реке? Только нет иного сбыта, Как в соседнем городке.	Все ворчал себе он под нос: «Поздоровится тут, жди! Времена уж не такие... Жди да у моря сиди.	Отвечал старик сердито: Рыбы мало ли в реке? Только нет иного сбыта, Как в соседнем городке.
Да теперь мне что в ловитве? Вишь, какая здесь возня! Вы дрались, а бомбой в битве Челн прошибло у меня».	Вам ведь все ничто, боярам, А челнок для рыбака То ж, что бабе веретена Али конь для седока. Шведы ль, наши ль шли тут утром, Кто их знает — ото всех Нынче пахнет табачищем... Ходит в мире, ходит грех! Чуть кого вдали завидишь — Смотришь, в лес бы... Ведь грешно!.. Лодка, вишь, им помешала, И давай рубить ей дно... Да, уж стала здесь сторонка За теперешним царем!.. Из-под Пскова ведь на лето Промышлять сюда идем».	Да теперь мне что в ловитве? Вишь, какая здесь возня! Вы дрались, а бомбой в битве Челн прошибло у меня. —
Всадник прочь с коня; безмолвно Взял топор и млат с пилой,	Всадник прочь с коня и молча За работу принялся;	Всадник прочь с коня; безмолвно Взял топор и млат с пилой,

⁵ Компромисс между требованиями соответствия современной языковой норме и метрикой текста предлагают посмертные издания галяховской хрестоматии: вместо неуклюжего «на берегу... ехал» здесь предложено чтение «Берегом Невы Великой».

Мигом сбил борты у челна,
Руль привесил за кормой.

«Ну, старинушка, готово»
Смело в воду челн содвинь,
И на счастье Петрово
Сети на море закинь».

Он исчез. Старик строптивый
Думал молча: «Что за диво?
С виду смотрит он царем,
А горазд как топором».

Живо дело закипело
И спсело в полчаса.

Сам топор вот так и ходит,
Так и тычет долото —
И челнок на славу вышел,
А ведь был что решето.

«Ну, старик, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сеть на счастье
На Петрово попытай». —

«На Петрово! эко слово
Молви! — думает рыбак. —
С топором гляди как ловок...
А по речи... Как же так?..»

И развел старик руками,
Шапку снял и смотрит в лес,
Смотрит долго в ту сторонку,
Где чудесный гость исчез.

Мигом сбил борты у челна,
Руль привесил за кормой.

«Ну, старинушка, готово»
Смело в воду челн содвинь,
И на счастье Петрово
Сети на море закинь!»

— «На Петрово? Эко слово
Молви!» думает рыбак:
«С топором гляди как ловок,
А по речи... Как же так?»

И развел старик руками,
Шапку снял и смотрит в лес,
Сморит долго в ту сторонку,
Где чудесный гость исчез.

Правка, которой подверг КО автор, неслучайно вызвала неудовольствие Перевлесского и привела к созданию компромиссной редакции. С одной стороны, в поздней редакции текст Майкова лишился сплошной рифмовки (что могло прочитываться как «упрощение», согласующееся с прагматикой школьных хрестоматий⁶), избавился от лексических неловкостей и приобрел гораздо более удачный финал, который подчеркивал тему загадки и предлагал запоминающуюся кольцевую пространственную композицию текста (зачин: всадник движется по лесу и находит рыбака; финал — рыбак смотрит на удаляющегося всадника). С другой стороны, насыщение текста историко-политическими аллюзиями (которые проясняли историческую концепцию КО, но имели совершенно неподходящий для младших школьников идеологический и вероисповедальный оттенок) не могло не отпугивать педагогов. В результате в компромиссной редакции выразительный финал второй редакции заменил последнюю строфу первой, нарушавшей к тому же регулярность схемы рифмовки. Однако в целом вторая редакция текста получила в XIX – начале XX вв. более широкое распространение, чем первая.

Отметим, что сюжета КО нам не удалось обнаружить в классических сборниках рассказов о Петре (Штелин, Голиков, Нартов⁷). Типологически сходные истории о встречах неузнанного Петра с подданными представле-

⁶ Вообще холостые нечетные стихи в катренах для литературы XIX в. — один из признаков ориентации на младшую детскую аудиторию, можно говорить о «детском» семантическом ореоле таких полурифмованных стрóf (наряду с другими ассоциациями, в частности — с представленным майковским стихотворением 1857 г. балладным «гейневским» ореолом).

⁷ Современный свод фольклорных и анекдотических текстов о Петре см.: [Путилов].

ны в разных жанрах — от исторического анекдота до бытовых сказок, эти сюжеты, в свою очередь, как показано в [Никанорова], чаще всего восходят к обширному европейскому анекдотическому корпусу (рассказы о Генрихе IV, Иосифе II, Фридрихе II). Мотив неузнавания здесь вводится сюжетом странствия и может сопровождаться вопросом об имени, вынесенным у Майкова в заглавие; ср. у Нартова:

Его величество на пути своем в Воронеж, под вечер в ненастливую погоду заехал ночевать в деревушку к одному вдовому дворянину, которого не случилось тогда дома и который по делам был в городе. А как государь ездил просто, с малым числом людей, да и, кроме одного крестьянина и двух дворовых старух, никого из служителей тут не находилось, то и сочли его проезжим офицером. Государь, вошед в покой, встречен был дворянина того дочерью осьмнадцатилетнюю, которая его спрашивала:

— Ваша милость кто такой?

— Я проезжий офицер, заехал к отцу твоему переночевать.

— А как тебя зовут?

— Петром! — отвечал монарх.

— Много есть Петров, — продолжала она, — скажи свое прозвание.

— Михайлов, голубушка.

<...>

— Поклон отцу, и скажи, что заезжал к нему офицер корабельный Петр Михайлов [Путилов: 101–102].

Дворянская дочь, принимающая царя за дворянина, надеется на царскую милость и получает ее; в этом сюжете мотив ущерба, нанесенного государственной деятельностью императора подданным, затушеван и дан в высоком регистре: девица выражает желание, чтобы царь

<...> пожаловал что-нибудь отцу моему за то, что под городом Орешком на приступе весь изранен и отставлен капитаном, получает только поручицкое жалованье, имеет двадцать душ и насилиу себя и меня пропитать может да из этого уделяет еще брату моему, который в службе констапелем [Там же: 102].

Император восстанавливает справедливость, назначая отцу капитанское жалование, а девицу одаривая приданым и выдавая дочь за флотского офицера.

Сниженный вариант сюжета, появляющийся у Майкова и включающий мотив непосредственного материального ущерба, представлен, например, в популярном рассказе, сообщенном Штелину Ломоносовым. Рассказ повествует о том, как в Архангельске под Петром проломилась палуба одной из барок, в результате чего пострадал товар горшечника:

Горшечник, которому принадлежало сие судно с грузом, посмотрев на разбитый свой товар, почесал голову и сказал царю с добросердечною простотою:

— Не много же теперь, батюшка, повезу я денег с рынка.

— А сколько ты надеялся привезти домой денег? — спросил государь.

— Да <...> алтын сорок и побольше.

Император вынул из кармана червонец и, отдав его мужику, сказал:

— Вот деньги, которые ты надеялся выручить. Тебе они приятны, а мне приятно то, что ты не можешь сказать, что я виноват в твоей неудаче [Путилов: 69].

Эти анекдоты, хорошо известные в России, демонстрируют сюжетный строительный материал, который использует молодой поэт: здесь существенны мотив ущерба (отчетливый во втором анекдоте), мотив (невольного) нарушения этикетных правил поведения подданного (в первом сюжете) и щедрого воздаяния (в обоих случаях). Можно было бы привести другие сходные примеры, в которых за нарушением правил следует не наказание, а монаршая милость. Обратим особое внимание на сообщенный Голиковым рассказ о грубости кормщика Антипа Панова, спасшего в 1694 г. судно с царем во время бури под Архангельском. Пытавшемуся вмешаться в управление кораблем Петру Антипу «с грубостью отвечал»:

— Поди, пожалуй, прочь! Я больше твоего знаю и ведаю, куда правлю.

И так, когда <...> пристал к берегу <...>, тогда монарх, подошед к сему Антипу, сказал:

— Помнишь ли, брат, какими ты словами на судне меня отпотчевал?

Крестьянин сей, падши к ногам монарха, признавался в грубости своей и просил помилования.

Великий государь поднял его сам и, три раза поцеловав в голову, сказал:

— Ты не виноват ни в чем, друг мой, и я обязан тебе еще за твой ответ и за искусство твое.

И тогда же, передевшись в другое платье, все бывшее на себе, измоченное даже до рубашки, пожаловал ему в знак памяти и сверх того определил ему же годовую до смерти его пенсию [Там же: 18].

Во всех этих сюжетах так или иначе затронута ключевая для петровской мифологии тема мореплавания, входящая в общегосударственный петровский миф и прямо спроецированная Майковым на евангельский претекст: встреча Петра с безымянным рыбаком должна соотноситься с эпизодом призвания апостолов Петра и Андрея («Идите за Мной, и Я сделаю вас ловцами человеков» — Мф. 4: 19). Эта проекция, конечно, встраивается в майковский извод петровского мифа: из ветхой России Петр творит новую. В этой перспективе в КО актуализируется еще одна сквозная тема анекдотов о Петре, канонизированная провербиальным стихом пушкин-

ских «Стансов» (1826) — мореплаватель-Петр неотделим от Петра-плотника⁸. Символический путь всадника, обозначенный отчетливо в зачине второй редакции (из темного *леса* к *светлым* невским берегам)⁹ сопровождается пересозданием не только крестьянского челна, но и всего государственного корабля.

То, что подданному кажется апокалиптическим хаосом (ср. развернутый монолог рыбака во второй редакции, акцентирующий риторику «последних времен», неразличения своего и чужого), оказывается сопутствующим акту творения империи состоянием.

Укажем на важную новацию Майкова, аналога которой в предшествующей традиции мы не находим¹⁰: соединение мотивов царского дела и царской награды. На дерзкое *слово* подданного Петр, остающийся безмолвным (во второй редакции с ее развернутой диатрибой обиженного рыбака этот контраст особенно заметен), отвечает *делом*, работой. Этой майковской новации было суждено пережить школьное бытование КО.

Затронутая тема пушкинских претекстов КО уже привлекала внимание исследователей. Наиболее очевидны здесь переключки с двумя текстами. А. Н. Архангельский отметил, что

<...> майковская баллада построена на двойном фундаменте. <...> Майков <...> напоминает автору мрачноватого «Медного Всадника», что писал тот и другие вещи, посветлее, посправедливее — «Пир Петра Первого», например. <...> Майков предоставляет в своей балладе слово простосердечному рассказчику из «Пира...» <...>

Сам сюжет майковской баллады начинается там же, где и сюжет «Медного Всадника»: на берегу Финского залива, где живет бедный рыбак и где предстоит вознестись «пышно, горделиво» будущей столице Российской империи. По «мшистым, топким берегам» едет безымянный Всадник, что может восприниматься как неприятие его замысла <...>¹¹ [Архангельский 1991: 194–195].

Для концепции А. Н. Архангельского существенным является противопоставление КО и «Подводного города» М. Дмитриева; при этом начало работы Майкова над текстом датировано здесь 1847 (год публикации «идил-

⁸ Естественным соединением этих двух ипостасей выглядит зафиксированная в Воронежской области легенда, повторяющая сюжет о грубости подданного, но переносящая его в ситуацию строительства корабля на верфи [Соколова: 78].

⁹ Ср. противоположное стремление непросвещенного майковского рыбака: «Смотришь, в лес бы».

¹⁰ Свод сюжетов о встрече Петра с представителями низших сословий см.: [Соколова: 280–281].

¹¹ О славянофильских опытах «развернутой реконструкции» монолога Евгения см.: [Осват, Тименчик: 109–115].

лии» Дмитриева). Несмотря на ошибочность этой датировки, представляется, что второй вариант КО с его развернутой антипетровской инвективной действительно полемически включается в контекст антипетровской риторики конца 1840-х – начала 1850-х гг., отчетливо ориентированной на переосмысление пушкинского извода петровского мифа: внешне наивная «легенда» скрывает полемику, связанную с идеологическим контекстом эпохи. Точно обозначенная А. Н. Архангельским гибридность КО порождается наложением бодрых хореических куплетов о царской милости на очевидные лексические (и скрытые мотивные) отсылки к поэме. При этом мотив дерзкого вызова царю, появляющийся в кульминации «петербургской повести» и соединенный с мотивом неузнанного властителя, задает сюжетное напряжение майковской баллады, но разрешается снятием конфликта¹².

Необычайная легкость, с которой царь чинит челн, наводит на мысли о сверхъестественных способностях «чудесного гостя», в отличие от «чудотворного строителя» пушкинской повести, выступающего в роли волшебного помощника, а не вредителя. В этом смысле примечателен отмеченный А. Архангельским эпизод из бунинской «Деревни» (1910), герой которой, крестьянский мальчик Сенька, на вопрос о том, кто же был этот всадник, отвечает простодушно: «Да колдун».

Сходное детское восприятие загадки КО и его венценосного героя ребенком совершенно иной культурной среды изображает и М. Цветаева («Мой Пушкин»)¹³; здесь текст Майкова нарочито погружен Цветаевой в пушкинский контекст, описанный как конгломерат противоречивых, но внутренне связанных и оттого загадочных стихов, а потусторонняя природа Петра описана как оборотническая:

¹² Ср. также: [Архангельский 1999: 234], здесь исследователь обращает внимание на то, что вынесенный в Майковым в заглавие вопрос является прямым распространением приема избегания имени в зачине «Медного всадника». Примечательно, что в массовой культуре начала XX в. пушкинская поэма и КО сопоставлялись в разных контекстах. По сообщению П. Богрова, в 1911 г. А. Я. Алексеев-Яковлев выпустил на экраны практически одновременно два фильма: экранизацию майковского «Кто он?» (22.XI; оператор А. К. Булла, в роли Петра А. Д. Угрюмов) и «На берегу пустынных волн» (29.XI) — экранизацию зачина «Медного всадника». По предположению П. Богрова, первый фильм мог быть переносом на экран поставленного Алексеевым спектакля Народного дома, где играл в это время Угрюмов.

¹³ КО достаточно часто упоминается и/или цитируется в других мемуарных текстах, дневниках, письмах; социальный диапазон здесь весьма широк. Ср., например, воспоминание о гимназическом чтении [Олеша: 59], с одной стороны; и — с другой стороны — неточную цитату, приведенную сестрой С. Есенина в воспоминаниях о матери, декламировавшей КО «сидя за куделью» [Жизнь Есенина: 331].

Но с Царем-злодеем у меня была еще другая хрестоматическая встреча: «Кто он?» <...> Кто же был — он? — Великан. — Почему великан? — Потому что он сразу все починил. — А что значит «И на счастье Петрово»? <...> На счастье Петрово значит на Петрово счастье. А кто этот Петр? — Это — Кто он? — Что? — То есть чудесный гость. «Смотрит долго в ту сторонку, Где чудесный гость исчез...» А как этого чудесного гостя зовут? — Я, робко: — Может быть, Петр? — Ну, слава богу!.. (С внезапной подозрительностью.) Но Петров — много. Какой же это был Петр? (И отчаявшись в ответе.) Это был тот самый Петр, который...

Донос на Гетмана-злодея
Царю-Петру от Кочубея.

<...>

Только было начавший проясняться Петр опять был ввергнут в ту мрачно-сверкающую, звездно-лунную, казачье-скачущую, шапочно-доносную ночь и, что еще хуже, этот Петр, который починил старику челн, значит как будто бы сделал доброе дело, оказался тем самым злодеем Кочубеем и Гетманом. И опять встал под гигантский — в новый месяц! — вопросительный знак: Кто? Когда Петр — то всегда: кто? Петр — это когда никак нельзя догадаться [Цветаева: 56–57].

Сказочный колорит КО, вкупе с удачно найденным «загадочным» построением и народным колоритом, согласующимся с задачами новой пореформенной школы, позволил тексту уверенно закрепиться в школьном каноне 1860-х – 1910-х гг. Одновременное бытования трех достаточно сильно различающихся вариантов текста (непрерывно тиражируемых на протяжении полувека)¹⁴, напоминает бытование фольклорного текста: лишаясь стабильности, текст превращается в аналог «анекдота», начинает восприниматься аудиторией (состоящей преимущественно из младших школьников, «наивных читателей») как рассказ об истинном происшествии. Косвенным подтверждением этому служит, например, использование сюжета КО наряду с сюжетами анекдотов из исторических сборников при праздничном оформлении столицы во время юбилея Петербурга в 1903 г.:

Центральное панно на Знаменской площади и одна из диорам в Летнем саду изображали Петра, спасающего людей во время наводнения; скульптура Петра с топором в руках украшала главный подъезд Гостиного двора; такие же

¹⁴ Первый краткий вариант находим также в: [Голиков; Максимович; Новаковский; Овчинников; Стоюнин], вторая авторская редакция входит в: [Вейнберг; Воскресенский; Гусева; Ильенков; Иманаев; Кирпичникова; Русская лира; Федоров; Филонов], поливановская контаминация встречается в: [Галахов; Преображенский]. Приводимые нами данные нуждаются в корректировке, поскольку доступные нам издания хрестоматий не включают всех редакций учебных книг, постоянно пересматривавшихся составителями.

скульптуры были размещены во всех местах народных гуляний; на диораме «Саардамский плотник» Петр с топором в руках строил корабль, а на левом панно на здании Городской думы — чинил лодку рыбака¹⁵ (по сюжету стихотворения А. Н. Майкова «Кто он?») [Грачева, Востриков: 16].

Широкое распространение текста КО, его ориентация на «фольклорность» имели следствием вхождение майковского стихотворения в репертуар народной поэзии. Одна из записей опубликована в [Русское народное: 248–249]. Этот вариант базируется на первой редакции текста и достаточно близок к оригиналу. Как понятно из комментариев составителей [Там же: 319], текст не пелся, а читался (исполнитель определял его жанр как «стих»); это, однако, не означает уникальности башкирской записи. Там же приводятся сведения о том, что в 1947 г. текст стихотворения был записан в Коломенском районе Московской области: сказочник заключал декламацией фольклоризированного варианта КО исполнение сказки о Петре и солдате. Примечательно также бытование текста в староверческих рукописных собраниях [Filosofova: 261]. Стихотворение распространялось (с трансформациями) не только в крестьянской среде: первая редакция КО с большим количеством разночтений присутствует, например, в рукописном сборнике середины XIX в., хранящемся в РГБ: здесь опущена последняя строфа, текст начинается со стиха «По тропиночке лесной» [Рукописи: 253].

В советское время стихотворение Майкова постепенно уходит из круга чтения школьников. Оно, впрочем, встречается в школьных хрестоматиях и учебниках 1920-х – 40-х гг.¹⁶ и по-прежнему присутствует в ориентированных на юношество антологиях русской поэзии [Банников; Гайденков; Русские поэты], клубных репертуарных сборниках [Молодежи] и вузовских хрестоматиях [Цейтлин], но впоследствии из школьного чтения исчезает. Происходит это, как нам представляется, именно в результате вытеснения старого текста новым.

Нагляднее всего этот процесс деканонизации заметен при сопоставлении двух ошибочных атрибуций КО. В 1935 г., обсуждая достоинства комсомольского поэта Виктора Гусева, критик Ф. Власов заметил: «С ритмами, характером образов, сравнений пушкинского стихотворения «Кто он?» у нас связано представление о той действительности, которая в нем нашла отражение» [Власов: 220]. Неверная атрибуция здесь — не знак

¹⁵ Диорамы были исполнены художниками из мастерской И. Е. Репина [Грачева, Востриков: 20].

¹⁶ Из «Родной речи» Е. Е. Соловьевой стихотворение Майкова, введенное туда в 1945 г., вскоре исчезает: в переизданиях 1946, 1947 и 1948 гг. текст есть, в 1949 г. уже отсутствует.

забвения, а показатель сверхканоничности текста, статус «пушкинского» и потеря авторства — признаки неотделимости КО от школьного канона. В 1981 г. в томе «Литературного наследства» было опубликовано письмо С. Городецкого Блоку от 30 июля 1906 г., в котором адресант сообщает:

Только что приехал с берегов Невы, где проверял ученика и поэтов. Ни один не описал берегов Невы, как следует: вокруг все дико, «Ель, сосна да мох седой» — разве это на что-нибудь похоже? [Неизданная переписка: 29].

В комментарии к этому месту высказано предположение, что здесь речь идет о строках из стихов безымянных учеников Городецкого: за неполные полвека статус КО в иерархии национальной культурной памяти радикально понижается.

Текстом-заместителем, сохраняющим не только сюжетные (рассказ о встрече правителя и подданного), жанровые («исторический анекдот») но и некоторые формальные (четырёхстопный хорей) черты вытесняемого текста, становится стихотворение А. Т. Твардовского «Ленин и печник». По замечанию К. Жукова, КО «было в XIX веке примерно тем же, чем “Ленин и печник” в XX-м» [Жуков: 141]. Можно уточнить эту формулировку: «Ленин и печник» занимает в XX веке «освободившееся» место КО в школьной программе. При этом стихотворение Твардовского имеет самостоятельный генезис и радикально трансформирует традицию, приспособив старую сюжет к новому социополитическому контексту.

В 1937 и 1938 г. в Москве двумя изданиями вышла книга «Творчество народов СССР». Редакторами малоформатного издания 1938 г. значились Л. З. Мехлис и А. М. Горький (покойный к моменту выхода уже более года). Первое издание, гигантский том на хорошей бумаге, вышедший в 1937 году, подписан был также именем А. И. Стецкого, который был арестован в апреле 1938 и расстрелян в августе того же года. Этот сборник — канонический свод советского *fakelore*, представляющего фальсифицированную «советскую народную мифологию» (разделы озаглавлены так: «Ленин», «Ленин и Сталин», «Сталин», «Гражданская война»). Функция этого сборника не ограничивается фиксацией «народных» рассказов и песен — требование «народности» литературы предполагало последующее обращение советских писателей к представленным в подобного рода изданиях сюжетам, причем такие обработки призваны были закрепить за фэйклорными нарративными источниками статус подлинности (если не в смысле фактологической точности сюжетов легендарных меморатов и фабулатов, то в смысле реальности бытования этих сюжетов в народной среде).

Не ставя здесь вопроса о механизмах и источниках подобных фальсификаций¹⁷, перейдем прямо к тексту, опубликованному впервые в этом издании и продемонстрировавшему исключительную успешность: он довольно быстро был адаптирован литературой и получил широкое распространение, дойдя до нашего времени. Речь о следующем рассказе, записанном в деревне Горки Подольского района Московской области в феврале 1937 г. со слов Алексея Михайловича Шурыгина:

ПЕЧНИК

Был у нас один человек, по фамилии Бендерин. Он был по сельскому хозяйству на все руки: печи клал, полки, сани делал. Однажды отправляется он в рощу и вот пилит там клен.

Пилит он это клен, вдруг слышит слово:

— Добрый день!

Бендерин, конечно, оглянулся. Смотрит: стоит какой-то мужчина. Бендерин ему:

— Виноват, — говорит, — ваше высокоблагородие. А мужчина этот ему отвечает:

— Я, — говорит, — не ваше высокоблагородие. Я, — говорит, — товарищ Ленин.

Бендерин ему опять:

— Извиняюсь, — говорит, — товарищ Ленин. А Ленин ему:

— Ну, пили, пили!

А сам отошел, стал в сторонке. Смотрит, как он дальше действовать будет. Такое дерево тяжелое, как он его в деревню без лошади потащит?

Бендерин отмерил палкой, какой размер ему был нужен, отрезал и спустил с горы — котом, котом. Потом опять вернулся, опять отрезал.

Ленин ему говорит:

— Тебе, может, подсобить?

— Не нужно, что вы! Я и сам управлюсь.

Теперича время другое. Время в самый покос. Тот же самый Бендерин отправляется в рощу, опять за материалом. Срезал он клен или там березу, перешел речку и сел отдохнуть. А дело было к вечеру.

Вот сидит он, смотрит: идут по покосу трое.

А он, этот Бендерин, такой дерзкой был мужик. Кричит им:

— Зачем вы тут шатаетесь? Знаете, почем нынче сено?

И отмахнул их... Подходят близко, один из них и говорит:

— Ах, старичок, как ты ловко ругаешься!

Тут Бендерин его и признал:

— Виноват, — говорит, — товарищ Ленин!

¹⁷ См. об этом: [Иванова: 410–411].

Началась зима. Страшно бедствовали тогда печниками.

Сидит Ильич в своем доме и спрашивает:

— Нет ли тут в деревне какого печника, чтобы не было у нас дыма?

А там Бендерина знали, что он печник.

— Печник, — говорят, — здесь есть один. И отправились за ним.

Интересно...

Приезжают к нему двое военных на рысаках, входят в дом и спрашивают:

— Ты печник?

А он на печи лежал. Свесил оттуда голову, отвечает:

— Я, — говорит.

— Собирайся, поедем в совхоз! Да...

Значит, Бендерин этот в судорожном состоянии. И говорит своей жене:

— Ну, Катюха, прощай. Больше мы с тобой не увидимся. Наверно, старые мои грубости вспомнил Ленин.

Садится с этими военными, едет в совхоз. Приезжает. Выходит к нему Ильич и говорит ему:

— А я тебя, старичок, припомнил! Это ты, — говорит, — в роще клен резал, а потом в другой раз на покосе пугнул меня?..

Бендерин от страха даже заболел:

— Виноват! — говорит. А Ленин ему:

— Ну, это — ерунда. На покосе ты правильно меня ругнул, а я неправильно делал, что по покосу шел. А теперь давай с тобой разговаривать, зачем я тебя позвал... У меня к тебе величайшая просьба. Видишь, в каком состоянии я живу. У меня все стены черные от дыму. Ты можешь дымоход исправить?

— Могу, — говорит.

Тут требует Бендерин себе глину, требует кирпич и принимается за работу.

Кончил работу, Ильич его поблагодарил, заплатил ему, что нужно, и сажает с собой чай пить.

Вот приезжает потом Бендерин домой на рысаках и говорит важно своей жене:

— Катюха, а я товарищу Ильичу печь поправил и чай с ним пил! [Творчество народов СССР: 65–67, 575].

Рассказ Шурыгина — единственный фабулат в этом разделе сборника (остальные тексты изложены от первого лица), он также выделяется на общем фоне относительной остросюжетностью¹⁸ и развернутой трехчлен-

¹⁸ Ср. незаглавленный меморат «Однажды привезли картошку...», записанный со слов Анфисы Летакиной в деревне Ям Подольского района Московской области, повествующий о том, как Ильич потребовал от коменданта, заботящегося о покое вождя, не запрещать девушкам смеяться [Творчество народов СССР: 64, 575]. Относительным сюжетным напряжением отличается лишь рассказ «Как Федосья Никитична у Ленина была», варьирующий сюжет встречи простого человека с неузнанным властителем. Он, как и рассказ другого ям-

ной композицией. Два первых эпизода разворачиваются в пространстве внешнем (в лесу и на поле). (1) Первый эпизод — встреча героя с неузнанным им вождем; Бендерин сразу опознает в Ленине начальство и извиняется, но использует неправильную титулатуру, которую корректирует по требованию называющего свое имя вождя. Ленин с интересом наблюдает за работой смекалистого Бендерина и даже предлагает ему свою помощь. После этой преамбулы следует вторая встреча. (2) Бендерин вновь рубит дерево; Ленин с товарищами идут по покосу. Не разглядев собеседников, Бендерин издали грубит Ленину, тот подходит и иронически хвалит риторические навыки печника. Бендерин узнает Ленина и извиняется вторично. В этом эпизоде рассказчик становится на точку зрения героя, Ленин не назван, пока его не узнает Бендерин. (3) Третий сюжетный такт трижды переносит действие из одного внутреннего пространства в другое, начинается с введения мотива недостачи: (3.1) Ленин ищет печника; двое военных приезжают к Бендерину. (3.2) Бендерин уверен, что Ленин собирается расправиться с ним за старые грубости, он прощается с женой и приезжает к Ленину (3.3), который вспоминает Бендерина. Тот извиняется в третий раз, но Ленин признает его правоту во время второй встречи и просит о помощи; Бендерин поправляет печь. Ленин платит печнику и пьет с ним чай. В финале (3.4) Бендерин, на рысаках вернувшийся домой, хвастается перед женой.

Рассказ Шурыгина демонстрирует весьма слабую связь с жанром легенд о встречах с неузнанными правителями (этот мотив рудиментарно присутствует лишь в зачине и во втором сегменте, где мотивирует испуг героя). Здесь мотив узнавания имени вождя предшествует основному действию, в то время как литературные переложения истории строились именно на этом мотиве, за которым следует нарастание сюжетного напряжения.

Первым обратился к рассказу Шурыгина Зощенко — в конце 1939 г. вышло первое издание «Рассказов о Ленине», где впервые был опубликован рассказ «Ленин и печник» (рассказы несколько раз републиковались перед войной, в том числе в нескольких номерах «Звезды» за 1940 и в «Библиотечке «Огонька»»):

ЛЕНИН И ПЕЧНИК

Однажды Ленин гулял в лесу и вдруг увидел, что какой-то мужчина дерево пилит.

А это пилит дерево некто Николай Бендерин. Немолодой мужчина, с огромной бородой. И очень дерзкий.

ского жителя Г. В. Скоромыслова «Пчелы», наряду с рассказом Шурыгина лег в основу других рассказов М. Зощенко.

Он был по профессии печник. Но, кроме того, он мог все делать. У него сломалась телега. И вот он пришел в лес, чтобы спилить дерево для починки этой телеги.

Вот он пилит дерево. И вдруг слышит: кто-то ему говорит:

— Добрый день.

Бендерин оглянулся. Смотрит: перед ним стоит Ленин. А Бендерин, конечно, не знал, что это Ленин. И ничего ему не ответил. Только кивнул головой: дескать, ладно, здравствуйте, не мешайте мне пилить.

Ленин говорит:

— Зачем вы дерево пилите? Это общественный лес. И тут нельзя пилить.

А Бендерин дерзко отвечает:

— Хочу и пилю. Мне надо чинить телегу.

Ничего на это не ответил Ленин и ушел.

Через некоторое время, может быть там через месяц, Ленин опять встретил этого печника. На этот раз Ленин гулял в поле. Немножко устал. И присел на траву отдохнуть.

Вдруг идет этот печник Бендерин и дерзко кричит Ленину:

— Зачем вы тут сидите и траву мнете? Знаете, почему сейчас сено? Будьте добры, встаньте с травы.

Ленин встал и пошел к дому.

А с Лениным была его сестра. Вот сестра и говорит печнику Бендерину:

— Зачем вы так грубо кричите? Ведь это Ленин, председатель Совета Народных Комиссаров.

Бендерин испугался и, ничего не сказав, побежал домой. И дома говорит жене:

— Ну, Катерина, пришла беда. Второй раз встречаю одного человека и с ним грубо разговариваю, а это, оказывается, Ленин, председатель Совета Народных Комиссаров. Что мне теперь будет, не могу представить.

Но вот проходит еще некоторое время, может быть там два месяца, и наступает зима.

И понадобился Ленину печник. Надо было исправить камин, а то он дымил.

А кругом по всем деревням только и был один печник, этот Бендерин.

И вот приезжают к этому Бендерину два военных и говорят:

— Вы печник Бендерин?

У Бендерина испортилось настроение, и он отвечает:

— Да, я печник Бендерин.

Военные говорят:

— В таком случае одевайтесь. Едем к Ленину в Горки.

Бендерин испугался, когда услышал эти слова. И настроение у него еще более испортилось.

Он одевается, руки дрожат. Говорит жене:

— Ну, прощайте, Катерина Максимовна. Наверно, уж с вами больше не увидимся. Наверно, Ленин припомнил все мои грубости: и как я его в поле

пугнул и как насчет дерева дерзко ответил. Наверно, он все это вспомнил и решил меня в тюрьму посадить.

И вот вместе с военными едет печник в Горки. Военные приводят Бендерина в комнаты. И навстречу ему из кресла поднимается Ленин.

Ленин говорит:

— А, старый знакомый. Помню, помню, как вы меня на покосе пугнули. И как дерево пилили.

Бендерин задрожал, когда услышал эти слова. Стоит перед Лениным, мнет шапку в своих руках и бормочет:

— Простите меня, старого дурака.

Ленин говорит:

— Ну, ладно, чего там! Я уж забыл про это. Что касается травы, то, пожалуй, вы были правы. Это не дело, что я сидел на покосе и мял траву. Ну, да не в этом дело. А не можете ли вы, дорогой товарищ Бендерин, сослужить мне одну маленькую службу? Дымит у меня камин. И надо его исправить, чтоб он не дымил. Можете ли вы это сделать?

Бендерин услышал эти приветливые слова и от радости дар речи потерял.

Только кивает головой: дескать, могу исправить. И руками показывает: дескать, пусть мне принесут кирпичи и глину.

Тут приносят Бендерину глину и кирпичи. И он начинает работать. И вскоре все выполняет в лучшем виде и с превышением.

Тут снова приходит Владимир Ильич и благодарит печника Бендерина. Он дает ему деньги и приглашает за стол выпить стакан чаю.

И вот печник Бендерин садится с Лениным за стол и пьет чай с печеньем. И Ленин дружески с ним беседует.

И, попивши чаю, печник Бендерин прощается с Лениным и сам не свой возвращается домой.

И дома говорит жене:

— Здравствуйте, Катерина Максимовна. Я думал, что мы с вами не увидимся, но выходит наоборот. Ленин — это такой справедливый человек, что я даже и не знаю, что мне теперь о нем думать [Зощенко: 18–19].

Рассказ Шурыгина закономерно привлек внимание Зощенко: в записи этой истории писатель должен был узнать черты своего сказа. Однако писатель, сохраняя общие черты фабулы, заметно трансформирует сюжет, который под его пером в духе эпохи приобретает черты гегелевской триады. Первые две встречи образуют зеркальную пару¹⁹, в финале правота Ленина и правота печника уравниваются друг друга, а грубость Бендерина побеждается ленинской справедливостью, обескураживающей героя. Об-

¹⁹ Ср. повтор зачинов реплик Ленина и Бендерина: «Зачем вы...», подхваченный затем репликой сестры Ленина.

ратим внимание на лейтмотивное определение «дерзкий» и появляющийся у Зощенко портрет героя. Огромная борода и резкость речи²⁰ — черты, напоминающие Пугачева; однако Бендерин — типичный герой Зощенко, «нервный человек», и хотя дерзость героя здесь не получает эксплицитных мотивировок, в контексте мира Зощенко грубиян, превращающийся в «маленького человека» и прибегающий к самоуничижению при столкновении с начальством — не антропологический, а социально-исторический тип. Значимым трансформациям подвергается и второй герой текста. Ленин приобретает черты резонера-интеллигента, неслучайны появление сестры в качестве спутницы Ленина и камин, заменяющий печь²¹.

Встреча сюжета Шурыгина с КО происходит не в прозаическом, а в стихотворном тексте. Стихотворение Твардовского «Ленин и печник» (далее ЛиП), в ранних публикациях имевшее подзаголовок «По преданию», было позднее датировано автором «1938–1940», хотя, по свидетельству М. И. Твардовской, работа была начата в Малеевке в январе 1939 г. Твардовский откладывает работу, чтобы вернуться к ней через год [Твардовский 1986: 855]. 21 января 1940 г. ЛиП был одновременно опубликован в двух газетах («Ленинградская правда» и «На страже Родины») и входил в прижизненные собрания.

ЛЕНИН И ПЕЧНИК

В Горках знал его любой,
Старики на сходку звали,
Дети — попросту, гурьбой,
Чуть завидят, обступали.

Был он болен. Выходил
На прогулку ежедневно.
С кем ни встретится, любил
Поздороваться душевно.

За версту — как шел пешком —
Мог его узнать бы каждый.
Только случай с печником
Вышел вот какой однажды.

— Собирайтесь! —

Взял он шубу,
Не найдет, где рукава.
А жена ему:

— За грубость,
За свои идешь слова...

Сразу в слезы непременно,
К мужней шубе — головой.

— Попрошу, — сказал военный.
Ваш инструмент взять с собой.

Скрылась хата за пригорком.
Мчатся санки прямымком.

Тяга слабая сейчас —
Дело поправимо,
Дело это — плюнуть раз,
Друг ты наш любимый...

Так он думает, кладет
Кирпичи по струнке ровно.
Мастерит легко, любовно,
Словно песенку поет...

Печь исправлена. Под вечер
В ней защелкали дрова.
Тут и вышел Ленин к печи
И сказал свои слова.

²⁰ Обращенный к Ленину монолог героя во время второй встречи может быть прочитан как «иронический перевод» реальной дерзкой/грубой реплики Бендерина на язык зощенковского «литературного» повествования.

²¹ На эти черты рассказа обратил внимание его первый иллюстратор Н. Тырса. В издании 1939 г. сопровождающая заглавие виньетка изображает дом в Горках — окруженную парком барскую усадьбу с шестью колоннами, перед которой остановился автомобиль. Заключительная виньетка представляет Ленина, сидящего в кресле (покрытом каноническим уже белым чехлом) с книгой перед пылающим камином, на котором расположились ваза с цветами, стопка книг и чей-то портрет. Наконец, центральная иллюстрация посвящена первой встрече героев: Ленин здесь гуляет по лесу в костюме-тройке и галстук.

Видит издали печник,
 Видит: кто-то незнакомый
 По дугу по заливному
 Без дороги — напрямик.

А печник и рад отчасти, —
 По-хозяйски руку в бок, —
 Ведь при царской прежней власти
 Пофорсить он разве мог?

Грядка луку в огороде,
 Сажень улицы в селе, —
 Никаких иных угодий
 Не имел он на земле...

— Эй ты, кто там ходит лугом!
 Кто велел топтать покос?! —
 Да с плеча на всю округу
 И поехал, и понес.

Разошелся.

А прохожий
 Улыбнулся, кепку снял.
 — Хорошо ругаться можешь! —
 Только это и сказал.

Постоял еще немного,
 Дескать, что ж, прости, отец,
 Мол, пойду другой дорогой...
 Тут бы делу и конец.

Но печник — душа живая, —
 Знай меня, не лыком шит! —
 Припугнуть еще желая:
 — Как фамилия? — кричит.

Тот вздохнул, пожал плечами,
 Лысый, ростом невелик.
 — Ленин, — просто отвечает.
 — Ленин! — Тут и сел старик.

День за днем проходит лето,
 Осень с хлебом на порог,
 И никак про случай этот
 Позабыть печник не мог.

А по свежей по пороше
 Вдруг к избушке печника
 На коне в возке хорошем —
 Два военных седока.

Заметалась беспокойно
 У окошка вся семья.
 Входят гости:
 — Вы такой-то?..
 Свесил руки:
 — Вот он я...

Поворот, усадьба Горки,
 Сад, подворье, белый дом.

В доме пусто, нелюдимо,
 Ни котенка не видеть.
 Тянет стужей, пахнет дымом, —
 Ну овин — ни дать ни взять.

Только сел печник в гостиной,
 Только на пол свой мешок —
 Вдруг шаги, и дом пустынный
 Ожил весь, и на порог —

Сам, такой же, тот прохожий.
 Печника тотчас узнал:
 — Хорошо ругаться можешь, —
 Поздоровавшись, сказал.

И вдобавок ни словечка,
 Словно все, что было, — прочь.
 — Вот совсем не греет печка.
 И дымит. Нельзя ль помочь?

Крыкнул мастер осторожно,
 Краской густо залился.
 — То есть как же так нельзя?
 То есть вот как даже можно!..

Сразу шубу с плеч — рывком,
 Достает инструмент. — Ну-ка... —
 Печь голландскую кругом,
 Точно доктор, всю обстучал.

В чем причина, в чем беда
 Догадался — и за дело.
 Закипела тут вода,
 Глина свежая поспела.

Все нашлось — песок, кирпич,
 И спорится труд, как надо.
 Тут печник, а там Ильич
 За стеною пишет рядом.

И привычная легка
 Печнику работа.
 Отличиться велика
 У него охота.

Только будь, Ильич, здоров,
 Сладим любо-мило,
 Чтоб, каких ни сунуть дров,
 Греда, не дымила.

Чтоб в тепле писать тебе
 Все твои бумаги,
 Чтобы ветер пел в трубе
 От веселой тяги.

Он сказал, — тех слов дороже
 Не слышал еще печник:
 — Хорошо работать можешь,
 Очень хорошо, старик.

И у мастера от пыли
 Зачесались вдруг глаза.
 Ну а руки в глине были —
 Значит, вытереть нельзя.

В горле где-то все загнулось,
 Что хотел сказать в ответ,
 А когда слеза смигнулась,
 Посмотрел — его уж нет...

За столом сидели вместе,
 Пили чай, велася речь
 По порядку, честь по чести,
 Про дела, про ту же печь.

Успокоившись немного,
 Разогревшись за столом,
 Приступил старик с тревогой
 К разговору об ином.

Мол, за добрым угощеньем
 Умолчать я не могу,
 Мол, прошу, Ильич, прощенья
 За ошибку на лугу.
 Сознаю свою ошибку...

Только Ленин перебил:
 — Вон ты что, — сказал
 с улыбкой, —
 Я про то давно забыл...

По морозцу мастер вышел,
 Оглянулся не спеша:
 Дым столбом стоит
 над крышей, —
 То-то тяга хороша.

Счастлив, доверху доволен,
 Как идет — не чувствует сам.
 Старым садом, белым полем
 На деревню зачесал...

Не спала жена, встречает:
 — Где ты, как? — душа горит...
 — Да у Ленина за чаем
 Засиделся, — говорит...
 [Твардовский 1986: 287–292]

В вопросе о датировке текста и источнике, по которому Твардовский знакомился с рассказом Шурыгина, ясности нет. В заметке о ЛиП, написанной в 1967 г., Твардовский упоминает парадный сборник 1937 (замечая, что «стихотворение было задумано <...> и начато в год издания книги “Творчество народов СССР”» [Твардовский 1986: 855]). Показательно здесь смещение нижней границы датировки, едва ли не нарочитое в устах редактора «Нового мира», полувековой юбилей 1917 заставлял вспомнить и о 1937. Это напоминание было вполне уместно при разговоре о ЛиП, тем более что заметка появилась в конце шестидесятых, когда в обществе (в том числе — в кругу «Нового мира») постоянно циркулировали слухи о готовящейся «реабилитации» Сталина.

За три года до того, в 1964 г., Твардовский в письме к В. Волковой сообщал, что читал крестьянский рассказ «не в этой роскошной книге <<Творчество народов СССР>> 1937 г. — Р. Л.>, а в другом издании, другого формата и меньшего объема» [Там же]. По предположению М. И. Твардовской, речь тут идет о сборнике «Рассказы о Ленине», вышедшем в «Детиздате» в 1939 г.²² — это послужило основанием для датировки «1939–1940» в [Твардовский 1986]. Более вероятным, однако, представляется, что речь идет о втором малоформатном издании «Творчества народов СССР» (1938): таким образом, авторская датировка «1938–1940» не может быть опровергнута ссылкой на детиздатовский сборник и на первые записи в рабочей тетради 1939 г.²³ В. А. Твардовская также предположила, что в процессе работы поэт познакомился и с переложением Зоценко [Твардовская: 9], это более чем вероятно, если помнить о том, что работа застопорилась после описания встречи Ленина и печника (возможно, к дрожащим рукам Бендерина из рассказа Зоценко восходят детали соответствующего эпизода ЛиП). Тем более заметно сознательное смещение датировки ЛиП в 1967 г.

²² Это предположение высказал в письме к поэту один из читателей, и Твардовский согласился с ним [Твардовский 1985: 337], однако *de visu* поэт явно издания не слыхал. Кроме детиздатовского сборника, рассказ Шурыгина в 1939 г. был воспроизведен в вышедшей к пятидесятилетию смерти Ленина книге «О Ленине, 1924–1939».

²³ Тем более, что и первое издание «Творчества народов СССР», по свидетельству дочери поэта, имелось в его библиотеке [Твардовская: 8]. Как указали в статье, посвященной источникам ЛиП, Е. Иванова и Л. Зубарев, история о встрече печника Бендерина с Лениным за три года до издания «Творчества народов СССР» несколько иначе была изложена другим рассказчиком в книге «Рассказы рабочих о Ленине» (М., 1934). Знакомство Твардовского с этим источником подтверждается его позднейшим письмом к В. Волковой; к этой версии, возможно, восходит двухчастная композиция стихотворения. Однако детали сюжета ЛиП очевидно ведут к рассказу Шурыгина и/или его изложению в книге Зоценко. См. подробнее: [Иванова, Зубарев].

Конспективное сопоставление текстов Зощенко и Твардовского содержится в той же заметке дочери поэта:

У Зощенко Бендерин груб изначально, по своему вздорному характеру. У Твардовского в дерзости печника слышится самоутверждение («ведь при царской, прежней власти пофорсить он разве мог...»). Завязка и рассказа и стихотворения одна и та же: обругав по оплошности не узанного им Ленина, печник в тревоге и страхе ждет возмездия. И тот и другой писатель целиком сохранили многозначительный эпизод предания, когда за печником приезжают двое военных и он решает, что час расплаты настал. «Собирайтесь! Взял он шубу. Не найдет, где рукава. А жена ему: за грубость, за свои идешь слова...». Драматизм этой сцены не казался читателю конца 30-х годов искусственно нагнетанным. За неосторожное слово в адрес «верного ученика Ленина», его преемника на государственном и партийном посту многие поплатились не только свободой — жизнью [Твардовская: 9].

Эти соображения совершенно справедливы. И рассказ Зощенко, и ЛиП появляются в атмосфере «бериевской оттепели», когда после отмены 26 ноября 1938 г. приказа НКВД от 30 июля 1937 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» схлынула волна иррациональных истерических репрессий и порожденных ими массовых страхов. Эта социопсихологическая ситуация по-разному отразилась у двух литераторов. Зощенко выступает в рассказе как «свидетель со стороны Ленина», вместе с ним он подсмеивается над наивными и безосновательными страхами Бендерина и вместе с печником восхищается ленинской справедливостью и простотой. Сын раскулаченного смоленского кузнеца Твардовский, прошедший классовую школу пролетарской словесности²⁴, более интенсивно описывает эмоции печника: значительно расширенная в ЛиП сцена прощания с семьей едва ли не уникальна в литературе сталинской эпохи²⁵, а финал текста, растягивающийся на три отделенных друг от друга эпизода (встреча с Лениным в его доме, работа печника, сопровождаемая его внутренним монологом, выделенным

²⁴ Замечательна в этом отношении оговорка в строфах 5–6, одновременно исторически оправдывающая грубость печника и истощающе определяющая его статус «сельского бедняка».

²⁵ Отметим, что этой сцене предшествует годовая пауза Твардовского в работе над текстом. Замечательно здесь нагнетание мотивов покорности, обездвиживания проявляющихся как в карпалитическом пласте текста (*свесил руки; не найдет, где рукава*), так и в приговоре, заранее вынесенном герою женой. Ср. необычайное оживление печника после получения задания, начинающееся со сбрасывания шубы. В связи с темой страха стоит упомянуть памятную всем советским школьникам расхожую шутку, обыгрывающую двусмысленность глагола *сесть*: фраза *Тут и сел старик* прочитывалась как финал текста. Эта шутка едва не входила в авторские намерения; ср. однокоренной глагол в настоящем финале.

сменой размера и финальная беседа героев), преобразует священный ужас в катарсическое приобщение к миру вождя.

Оба литератора, обратившиеся к рассказу Шурыгина, расширяют текст, при этом Твардовский трансформирует сюжет радикальнее, чем Зощенко, соединяя детализацию, вставки и редукцию. Фабула трансформируется, сюжет ЛиП открывается встречей на покосе (2). Исключая «лесной» эпизод, Твардовский добивается зеркальности композиции, подкрепляемой двумя симметричными движениями героев: в начале ЛиП Ленин приближается по зеленеющему покосу к печнику, в финале счастливый печник «снежным полем» удаляется от жилища Ленина²⁶. С этой трансформацией связан эпизод рецепции текста, отразившийся в заметке Твардовского 1967 г.:

В письме <...> выражается недоумение по поводу той подробности моего рассказа, что <...> печник *пешком* «на деревню зачесал», хотя был доставлен в усадьбу Горки «на коне в возке хорошем». Не вяжется это, замечает читатель, с человеческим образом Ильича, его внимательностью и заботой о людях. Действительно, в записи <рассказа Шурыгина. — Р. Л.>: «...Приезжает потом Бендерин домой на рысаках».

Но я уже отметил, что писал свое стихотворение, не сверяясь с записью <...> Возможно, что будь у меня под рукой запись <...>, я бы дал возвращение печника <...> в полном соответствии с ней. Но кроме того, мне и сейчас кажется, что строфа <...> верно передает радостное нетерпение человека, спешащего домой к жене, ожидающей его в большой тревоге за него [Твардовский 1971: 128–129].

Другие редукции исходной фабульной схемы также существенны: опущено снижающее упоминание о плате за работу печника (необходимое в контексте нарративов Шурыгина и Зощенко, повествующих о ленинской справедливости). Наградой оказывается беседа с Лениным за чаем: эта трансформация возвращает нас к пушкинскому претексту КО — «Пиру Петра Первого».

Нам представляется, что деформирующим культурным рядом, определившим направление трансформаций легенды о Ленине в ЛиП, является широко понятое поле фольклорных представлений (можно говорить о рефольклоризации Твардовским фэйклора, возвращении фабулату Шурыгина на исконных мифологических смыслов). С другой стороны, как мы попытались показать выше, ЛиП демонстрирует несомненную погруженность

²⁶ Ср. выше о сходной композиции в КО.

в литературную традицию, и ключевым текстом тут представляется майковское стихотворение.

В первом эпизоде ЛиП проступают черты, роднящие его с легендарной фольклорной прозой. Неузнанный правитель в этом сюжете наследует неузнанному сакральному персонажу. Здесь можно напомнить о легендах, в которых Никола и/или Христос в виде странников встречаются крестьянину; ср. распространенные сюжеты «Чудесная молотьба» и «Христов братец» [Народная проза: 523–524, 534–535]. В этом смысле проход Ленина по покосу, который представляется герою отравой, может быть истолкован в духе мифологических представлений о Николе-покровителе земледелия и плодородия; ср. приводимые в книге Б. А. Успенского фольклорные тексты, связывающие Николу с полем (в том числе — фонетически): *Юрря, Микола / Пошли ў поле. Христос воскрес / Сын Божий! / Пошли ў поле / Жита глядзець <... >; Святая Микола, старая особа, / Нет яго дома, пашоў ў поля, / По мяжах ходзиць, житцо родзиць* [Успенский: 38, 54–55]. В этом смысле знаменательно, что в круг поэтических аллюзий, значимых для начального эпизода ЛиП, можно одновременно включить как тютчевское стихотворение «Эти бедные селенья...» (1855; см. с. 173–187 настоящего издания), так и блоковскую поэму, вопрошания которой («Кто там машет красным флагом?..») отчетливо отзываются в выклипании печника, не опознающего Ленина: «Эй ты, кто там ходит лугом! / Кто велел топтать покос?!»²⁷. Примечательно, что именно этот фрагмент ЛиП прямо спроецирован на заглавный вопрос КО.

Обратим в связи с этим внимание на трансформации в области номинации героев, в которой, кажется, отразилось прямое воздействие КО с его пушкинскими аллюзиями. Появляется интродукция с неназванным, но узнаваемым всеми героем (первые три строфы): читатель неминуемо должен догадаться, что речь о Ленине, эта простая загадка напоминает одновременно об основном приеме КО и о его пушкинском претексте — «Медном всаднике»; ср. «кощунственный» вопрос печника «Как фамилия?»²⁸.

²⁷ Еще один текст, восходящий к тютчевскому и, вероятно, памятный Твардовскому — поэма Есенина «Микола», написанная тем же хореем (1913–1914; входила в прижизненные сборники). Ср.: *Засучивши с рожью полы, / Пахаря трясут лузгу, / В честь угодника Миколы / Сеют рожью на снегу. // И, как по траве окосья / В вечеряющий покос, / На снегу звенят колосья / Под косищами берез.*

²⁸ Как и в легендах о являющихся «в рабском виде» сакральных персонажах, герой будет наказан страхом за неузнавание того, кого «знал... любой»; отливается это неузнавание в символический речевой жест тридцатых годов: вопрос о фамилии — присвоение роли уполномоченного представителя власти. «Два военных седока», явившиеся к печнику — реализация этой претензии, обернувшаяся против «самозванца».

Одновременно и печник у Твардовского теряет имя; замена фамилии профессиональной номинацией, с одной стороны, еще раз напоминает о номинациях в стихотворении Майкова, с другой — готовит кульминационный момент, когда ругатель-мужик оборачивается мастером, восстанавливающим порядок в доме Ленина. Символический смысл этого деяния очевиден. В очерке «Печники» (1953–1958) Твардовский вспоминает:

<...> печников у нас, по традиции, уважали, побаивались и задабривали. Надо еще учесть, какое большое место в прямом и переносном смысле занимала печь в старом крестьянском быту. Это был не только источник тепла, не только кухня, но и хлебопекарня, и универсальная сушилка, и баня, и прачечная, и, наконец, излюбленное место сладостного отдыха после дня работы на холоде, с дороги или просто когда что-нибудь болит, ломит, знобит. Словом, без хорошей печи нет дома. И мне это досталось почувствовать в полной мере на себе, и я так много и углубленно думал до недавней поры о печках и печниках, что, кажется, мог бы написать специальное исследование на эту тему [Твардовский 1974: 476].

Второй круг фольклорных аллюзий связан с этим кульминационным эпизодом, развертывающимся в Горках. Описание жилища Ленина здесь отсылает к другому фольклорному жанру — волшебной сказке. За квазидокументальным повествованием о недогадливом печнике можно различить трансформированный сюжет о девушке в гостях у потустороннего существа (Аарне-Томпсон, 480), хорошо известный русскому читателю в немецком варианте по сборнику Гриммов («Госпожа Метелица»), а в русском — по переложению В. Ф. Одоевского («Мороз Иванович»). Эти ассоциации поддержаны и чудесным появлением (а затем — исчезновением) Ленина в этом эпизоде ЛиП, и описанием застывшего дома, похожего на овин. Сюжет кульминации ЛиП — символическое творение, восстановление космического порядка, осуществляемое параллельно двумя героями. Именно здесь наиболее очевидно проясняется майковский претекст ЛиП:

Всадник прочь с коня и молча
За работу принялся;
Живо дело закипело
И поспело в полчаса.

Сам топор вот так и ходит,
Так и тычет долото —
И челнок на славу вышел,
А ведь был что решето.

В чем причина, в чем беда
Догадался — и за дело.
Закипела тут вода,
Глина свежая поспела.

Все нашлось — песок, кирпич,
И спорится труд, как надо.
Тут печник, а там Ильич
За стеною пишет рядом.

Заметим, что здесь же появляется еще одна новация Твардовского: ленинская печь оказывается *голландской*, это маркирует пространство дома как усадебное и одновременно отчетливо отсылает к петровской мифологии, естественно вписывающейся в литературные претексты ЛиП. Эпизод завершается символической похвалой Ленина, переоценивающей навыки печника, исполнившего работу, говоря словами Зощенко, «в лучшем виде и с превышением». За этим следуют заключительные сцены: прощения обиды за чаем и счастливого возвращения героя домой. Отброшенная Зощенко реплика Ленина из рассказа Шурыгина («старичок, как ты ловко ругаешься») становится у Твардовского лейтмотивной, принимая на себя функции тройного повтора с трансформацией. Дважды повторенное «хорошо ругаться можешь» превращается в «хорошо работать можешь», подчеркивая развитие общей для Твардовского и Майкова темы со/противопоставления слова и дела.

Замечательна при этом рекомбинация функций персонажей майковского текста: рыбак в КО выступал как носитель профанного, хотя и претендующего на причастность к сакральному миру старой веры *слова*, а Петр, в соответствии с мифологией, сложившейся уже в XVIII в. — как исполнитель *дела*, внешне профанного (не царского, в буквальном смысле), но дающего санкцию на новую сакральность петровского государства. В ЛиП профанное бранное слово печника нейтрализуется его вдохновенным творческим трудом, а Ленин, нарочито немногословный в бытовом мире устной речи, предстает носителем сакрального письменного слова²⁹.

Вхождение в канон детской литературы текстов Зощенко и Твардовского началось сразу, однако по понятным причинам особенно широкое распространение стихотворение Твардовского получило после смерти Сталина. С 1955 по 1990 г. вышло 20 отдельных массовых изданий, 47 раз текст перепечатывался в составе собраний сочинений и сборников Твардовского [Русские писатели: 213, 228]; ЛиП входил в учебники и хрестоматии, был включен в школьную программу. Книга рассказов о Ленине Зощенко после изданий 1939–1940 гг. активно переиздаваться стала уже в другую эпоху: каталог РНБ насчитывает десять отдельных изданий 1969–1991 гг. Нельзя не обратить внимание на случайную, но знаменательную рифму ситуаций: появляющиеся примерно через сто лет после создания

²⁹ Ср. замечание К. М. Поливанова, обратившего в своем интернет-дневнике внимание на переключки текстов: *Петр больше печник, а мужик и печник и Ленин* (covenarius.livejournal.com/100485.html); ср. здесь также намекающее опущенный нами культурно-политический контекст ЛиП замечание читательницы.

КО тексты о печнике одновременно циркулируют в школьном чтении на протяжении следующего полувека, обрастая новыми смыслами и становясь, в свою очередь, источниками новых вариаций³⁰ (текст Шурыгина, менее распространенный, чем переложения, входит, тем не менее, в советские вузовские хрестоматии по фольклору, в том числе — в пособия под редакцией Э. В. Померанцевой и С. И. Минц).

Эти тексты и, прежде всего, стихотворение Твардовского, ориентированное на детей среднего школьного возраста, заполняют «пустое место», оставшееся в школьном каноне от выпавшего оттуда стихотворения Майкова — место квазизагадочного повествования о том, как всеильный властитель помиловал не узнавшего его дерзкого подданного. Новая идеология значительно трансформировала сюжет, но текст-наследник сохранил память о предке.

Это — лишь один из эпизодов «эстетической реставрации», связанной со становлением школьного канона советской эпохи, и лишь один частный пример стратегии «мнемонического выживания» текста, сопротивляющегося «вычеркиванию» из культурной памяти через репликации в новых текстах.

ЛИТЕРАТУРА

Источники, исследования

Архангельский 1991: *Архангельский А. Н.* У парадного подъезда: литературные и культурные ситуации периода гласности (1987–1990). М., 1991.

Архангельский 1999: *Архангельский А. Н.* Герои Пушкина: очерки литературной характеристики. М., 1999.

Белинский: *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений Т. 6: Статьи и рецензии 1842–1843. М., 1955.

³⁰ Ср. стихотворение Д. Быкова «Путин и мужик» (из проекта «Гражданин поэт»). Вторичная (или третичная) фольклоризация сюжета отразилась в переписке Твардовского с жителем Севастополя П. П. Чурбаковым [Твардовский 1985: 325, 471], отозвавшимся на публикацию в «Известиях» заметки о ЛиГ письмом, где он сообщал, что был знаком с печником Бендериным, которого встретил некогда на Болотном рынке в Москве, купил у него картофель и на санях-розвальнях Бендерина отправился с печником к себе домой. Дорога их пролегла через Красную площадь, где как раз в это время строился Мавзолей Ленина. По сообщению Чурбакова, Бендерин рассказал ему о встрече с Лениным, причем некоторые подробности рассказа отличались от истории, изложенной Твардовским. В частности, «рассказывалось, что ремонтировал печник не голландскую печь, а камин» [Там же: 471]. Несмотря на апокрифичность этого свидетельства (камин сюда попал едва ли не из рассказа Зоценко), Твардовский отнесся к нему серьезно.

- Власов: *Власов Ф.* О творчестве Виктора Гусева // Новый мир. 1935. № 7.
- Грачева, Востриков: *Грачева Е. Н., Востриков А. В.* Майский день, именины сердца: О праздновании 200-летия Санкт-Петербурга 16-го мая 1903 года // Абарис: Журнал друзей Санкт-Петербургской классической гимназии. 2003. № 4.
- Добролюбов: *Добролюбов Н. А.* Собрание сочинений: В 9 т. М.; Л., 1963. Т. 6.
- Дубин: *Дубин Б.* Классика, вокруг и после (О границах и формах культурного авторитета) // Политическая концептология. 2010. № 4.
- Дубин, Зоркая: *Дубин Б., Зоркая Н.* Идея классики и ее социальные функции // Проблемы социологии литературы за рубежом. М., 1983.
- Жизнь Есенина: *Жизнь Есенина: Рассказывают современники.* М., 1988.
- Жуков: *Жуков К. С.* Петр Великий — культурный герой Петербурга // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 2 (14).
- Зоценко: *Зоценко М. М.* Рассказы о Ленине. М., 1941. (Библиотечка «Огонька». Вып. 4).
- Иванова, Зубарев: *Иванова Е., Зубарев А.* Маргиналии к ненаписанной статье юбиляра // Статьи на случай (http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Ivanova_Zubarev.pdf).
- Иванова: *Иванова Т. Г.* О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. М., 2001.
- Майков: *Майков А. Н.* Избранные произведения. Л., 1977.
- Народная проза: *Народная проза.* М., 1992. (Биб-ка русского фольклора).
- Неизданная переписка: *Неизданная переписка Блока: Переписка с А. А. и С. А. Городецкими / Вст. ст. и публ. В. П. Енишерлова. Комм. В. П. Енишерлова и Р. Д. Тименчика // Александр Блок: Новые материалы и исследования М., 1981. Кн. 2. (Лит. наследство. Т. 92).*
- Никанорова: *Никанорова Е.* Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск, 2001.
- Олеша: *Олеша Ю. К.* Ни дня без строчки. М., 2010.
- Осват, Тименчик: *Осват А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальную повесть сохранить...». М., 1987.
- Путилов: *Путилов Б. Н.* Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках, песнях. СПб., 2000.
- Рукописи: *Рукописи, поступившие в 1961–1962 гг. // Записки отдела рукописей [Гос. библиотеки СССР им. Ленина]. М., 1963. Вып. 26.*
- Русские писатели: *Русские писатели: Поэты (Советский период). Библиографический указатель.* СПб., 2002. Т. 25.
- Русское народное: *Русское народное творчество в Башкирии.* Уфа, 1957.
- Соколова: *Соколова В. К.* Русские исторические предания. М., 1970.
- Твардовская: *Твардовская В. А.* Главная тема Твардовского // Крутозор. 1988. № 4.

Твардовский 1971: *Твардовский А. Т.* Собрание сочинений. М., 1971. Т. 5.

Твардовский 1974: *Твардовский А. Т.* Проза. Статьи. Письма. М., 1974.

Твардовский 1985: *Твардовский А. Т.* Письма о литературе. М., 1986.

Твардовский 1986: *Твардовский А. Т.* Стихотворения и поэмы. Л., 1986.

Творчество народов СССР: Творчество народов СССР. М., 1938.

Успенский: *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

Цветаева: *Цветаева М. И.* Мой Пушкин. М., 1981.

Filosofova: *Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland / Bestandsaufnahme — Edition — Kommentar von Tatiana Filosofova.* Böhlau Verlag: 2010.

Хрестоматии, антологии, книги для чтения

Басистов: *Басистов П. Е.* Для чтения и рассказа. Хрестоматия для употребления при первоначальном преподавании русского языка. М., 1862.

Банников: Три века русской поэзии / Сост. Н. Банников. М., 1968.

Вейнберг: *Вейнберг Л. О.* Новая русская хрестоматия. Ч. 1: Для учеников 1 и 2 кл. Изд-е 2. М., 1905.

Воскресенский: Новая хрестоматия для старших отделений начальных училищ и низших классов ср. уч. завед. / Под ред. В. В. Воскресенского. Изд. 3. СПб., 1897.

Гайденков: Русские поэты XIX в. / Сост. Н. М. Гайденков. М., 1960.

Галахов: *Галахов А. Д.* Русская хрестоматия: В 2 т. М., 1896. Т. 1.

Голиков: *Голиков В. И.* Русская хрестоматия. Ч. 1: Городские уч. М., 1905.

Гусева: *Гусева М. А.* Родная нива. Хрестоматия. М., 1900. Ч. 1–2.

Ильенков: *Ильенков Д. С.* Русская хрестоматия для 3 и 4 клас. средн. уч. зав. Изд. 2-е. М., 1895.

Иманаев: *Иманаев М.* Учебник русского языка для татарских школ, медресе и мектеб (букварь, хрестоматия и грамматические упражнения). Казань, 1895.

Кирпичникова: *Кирпичникова Е. А.* Новая книга для чтения: Хрестоматия для приготовительных классов. М., 1903.

Максимович: Друг детей: Книга для первоначального чтения. Изд. 16-е / Сост. Н. Максимовичем. СПб., 1871.

Молодежи: Молодежи. [Вып.] 1, Классическая поэзия: стихи, рассказы, песни, сцены: В помощь художественной самодеятельности учащихся школ трудовых резервов. М.; Л., 1946.

Новаковский: Русская хрестоматия. Разнообразное и полезное чтение для простолюдинов / Сост. Вл. Новаковский. СПб., 1864. Кн. 1–3.

Овчинников: *Овчинников И. С.* Русская хрестоматия. Чтение и письменные упражнения 2 и 3 годов обучения в нач. училищах (преимущественно на окраинах империи). Рига, 1903.

Паульсон: Книга для чтения и практических упражнений в русском языке. Уч. пособие для нар. училищ / Сост. Паульсон. СПб., 1860.

Перевалеский: Русская грамматика П. Перевалеского. Ч. 2: Начертание этимологии. 5 изд. СПб., 1867.

Поливанов: *Поливанов Л.* Русская хрестоматия для двух первых классов ср. уч. завед. М., 1885.

Преображенский: *Преображенский А. Г.* Русская хрестоматия. М., 1891.

Русская лира: Русская лира: хрестоматия, сост. из произведений новейших русских поэтов. СПб., 1860.

Русские поэты: Русские поэты: Антология: В 4 т. Т. 2 / Том подготовили Г. П. Макогоненко, В. Н. Орлов, И. Г. Ямпольский. М., 1966.

Стоюнин: Классная русская хрестоматия для младших классов средне-учебных заведений, составленная Владимиром Стоюниным. СПб., 1876.

Ушинский: *Ушинский К. Д.* Собрание сочинений. М.; Л., 1948. Т. 4.

Федоров: *Федоров А. Н.* Русская хрестоматия для употребления в средних классах гимназий с немецким преподавательским языком. Ревель, 1880.

Филонов: Русская хрестоматия с примечаниями. Для высших классов средних учебных заведений / Сост. А. Филонов. Т. 2: Лирич. поэзия. СПб., 1863.

Цейтлин: Хрестоматия по русской литературе XIX в. Ч. 2 / Сост. А. Г. Цейтлин. М., 1938.

Шафранов, Николич: Русская хрестоматия для употребления в училищах прибалтийских губерний / Сост. Шафранов, Николич. Ревель, 1860. Ч. 2.